15 ФЕВ 1984

ИЗВЕСТИЯ

Анатолий КАЛИНИН:

МЫ ВЕРИМ В БУДУЩЕЕ

Отправляясь на хутор Пухляковский, где много лет живет Анатолий Калинин, я взяла с собой только что вышедший в издательстве «Советская Россия» его четырехтомник. И, перелистывая страницы этих книг, увидела те вечные, жгучие вопросы, которые волновали и волнуют писателя. Так собрание сочинений стало своеобразным путеводителем в нашем разговоре с Калининым.

— Анатолий Вениаминович, перечитывая ваши произведения, замечаешь, как от повести к роману, от статьи к очерку, от стихотворения к поэме все явственнее нарастает сопутствующее вам беспокойство о судьбах мира. Впервые оно зазвучало, пожалуй, еще в романе «Суровое поле» — в горестных размышлениях наиболее близкого авторскому сердцу героя писателя Михайлова: «...Опять кычет этот старый ворон, жаждущий крови. Величайшая со времен открытия огня победа человеческого разума — раскрепощенный атом—угрожала человечеству отбросить его назад, в пещеру. Из туч, на которые с надеждой поглядывали люди, с каплями дождя выпадал стронций, и в костях еще не родившихся детей появлялась смерть».

На страницах вашего другого романа — «Гремите, колокола!» — этот кровавый «ворон» не дает по ночам покоя агроному Луговому: «Вчера утром самолеты Б-52, взлетевшие с острова Гуам, подвергли бомбардировке скопления противника в семидесяти километрах к северу от Сайгона» ...Отчетливо звучит тревога и в названии вашей повести «Эхо войны». И еще — в романе «Цыган» Клавдия Пухлякова прямо спрашивает у начальника военного училища, в котором учится ее приемный сын Ваня: «Неужели, Андрей Николаевич, еще опять может быть война?» Словно нависает тревога эта над тем чувством очарования жизнью, которое с новой силой вспыхнуло после войны в настрадавшихся сердцах людей. Замечаете ли вы сами, что на страницах всех ваших произведений лежит ее отблеск?

— Но разве только на моих? Всем невиданным до этого в истории народов опытом войны на долгие годы вперед был предопределен для советской литературы «выбор» этой тревоги. И само время выносит ее в заголовки книг. «Последний поклон» отдают писатели тому поколению, для которого испытания, выпавшие на его плечи в самые трудные для страны годы, стали «привычным делом». «Живи и помни» землю, вскормившую тебя, напоминают они, и не забывай всматриваться в «Даль памяти» о тех, кому навеки обязан наш народ!..

— Звучание тех же тревожных колоколов есть и в вашей публицистике. Вот строки из книги «Время Тихого Дона»: «За рубежами Родины Шолохов, быть может, с еще большей пристальностью всматривается в черты разных людей — и тех, на кого, как на своих союзников, могут положиться советские люди в борьбе за сохранение всеобщего мира, и тех человеконенавистников, которые в подземных штольнях совершенствуют методы уничтожения густонаселенных городов и целых стран, считая, что методы, применявшиеся при уничтожении мирного населения Хиросимы и Нагасаки, уже безнадежно устарели... Откуда же, из каких «артезианских» глубин художнику слова извлечь эти единственные слова, которыми можно раз и навсегда разрядить зловещую бомбу...»

— «Тихий Дон» Шолохова — не только роман о судьбах казачества, русского крестьянства в годы революции. Это и антивоенный роман, значение которого в наше время трудно переоценить. Неотразимое влияние оказал его пример и на ту творческую молодежь, которой назначено было завтра войти в нашу литературу по «Горячему снегу».

Уже в «Судьбе человека» — героической и трагической судьбе одного советского солдата, его семьи и его приемного сына — он сумел передать и «закрепить» в нашем сознании судьбу, страдания и подвиг всей страны, чтобы вскоре вывести на страницы своего произведения и весь сражающийся народ. Прекрасный фильм Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину» выявил и подчеркнул это главное достоинство шолоховского романа, населенного взращенными Советской властью трактористами, шахтерами, агрономами, учителями, одетыми в солдатские шинели. И сама смерть во время съемок этого кинофильма Василия Шукшина в образе солдата Лопахина вдруг как бы снова одела в солдатскую шинель нашу литературу, символизируя неразрывность ее судьбы и судьбы родного народа.

— Если следовать образу писателя Михайлова в романе «Суровое поле», то те же самые люди небольшого донского хутора внушали ему желание немедленно рассказать о них другим, заряжали его и той тревогой. «...Но сегодня еще не поздно остановить руку, размахивающую над головой человечества сосудом со стронцием-90. И вы, созидающие только для потомков, величавые жрецы искусства,— вы не подумали, что прежде нужно позаботиться, чтобы потомки не рождались мертвыми?! Почему же вы молчите, в то время как людям нужны слова-паруса, слова-весла, слова-вожатые?» Что сегодня могы бы добавить к этим словам своего литературного героя, писателя Михайлова, писатель Калинин после четырех десятилетий его жизни на казачьем хуторе Пухляковский на берегу Дона?

— Только то, что сегодня и откуда-нибудь из самого отдаленного уголка взору могут открыться необозримые дали всей нашей Родины. Но и не только Родины. Каждый из нас чувствует, как необычайно уплотнились время и пространство, сгустились человеческие драмы, и как, оказывается, одна всеобъемлющая тревога может объединить людей, даже не подозревавших о существовании друг друга и, казалось бы, навсегда разделенных океанами и горными хребтами.

Из памяти поколений, обугленных войной, так и не выветрился тот тлетворно сладкий душок взрывчатки, который обычно витал над перепаханной артиллерийским налетом или вздыбленной бомбовым ударом землей, угнетая все другие запахи поля, леса и луга. А у термоядерного пепла даже запаха не бывает...

Но мы отказываемся от мысли о предначертанности всеобщего конца и вселенского мрака. И сегодня народы мира именно в нашей стране видят силу, которая стремится набросить на боеголовку ядерной смерти надежный намордник.

Между июнем 1941 года, когда гитлеровские бронетанковые дивизии вздыбились у наших границ, и концом 1983 года, когда американские «першинги» оказались у нашего порога, расстояние не просто в сорок лет, но и в сорок лет незаживающей скорби о тех, кто не вернулся с полей сражений к своим матерям, женам и детям.

Среди нас живут ветераны битвы с фашизмом, они наша гордость и совесть. Справедливо жаждут они, чтобы не было тревоги за дальнейшую судьбу Родины. За судьбу мира. Всей своей жизнью они выстрадали и взлелеяли ее. Это не только урок исторической памяти, взывающий к бдительности народов и отрезвляющий стратегов первого ядерного удара. В неменьшей степени это — великий урок любви к социалистической Родине.

Обращение ЦК КПСС к избирателям дало нам широкую картину всенародных дел, подвижнического труда в набирающем темп нынешнем году. Могущество Родины, мир на земле, труд каждого из советских людей — все это глубоко взаимосвязано в нашей жизни...

Мы проводили в последний путь Юрия Владимировича Андропова. Безмерна утрата. Но в скорбные эти дни советские люди вновь показали, как тесно сплочены они вокруг партии, как неразрывны с ней, ее борьбой, ее научно выверенным курсом. Внеочередной Пленум ЦК партии подтвердил: с этого курса мы не свернем. Глубоко в сознание запали слова Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко: «Преемственность — не отвлеченное понятие, а живое, реальное дело. И суть ее прежде всего в том, чтобы, не останавливаясь, идти вперед». Все мы сердцем одобряем внутреннюю политику партии, подчиненную одной цели — росту благосостояния советских людей, поддерживаем ее твердую, конструктивную внешнеполитическую линию, направленную на предотвращение ракетно-ядерной войны.

Партия и народ ведут напряженную борьбу за будущее. И любовь к Родине у советских людей проявляется в делах, в верности лучшим идеалам эпохи. Именно в труде теснее становятся узы бескорыстного товарищества. Острее нетерпимость ко всякого рода безответственности, лихоимству. Возрастают чувство долга перед родным народом, мера нравственной требовательности к себе.

И вот я о чем думаю. Обычные будни, наполненные у нас на Дону заботами о машинах, металле и угле, о будущем урожае, о надоях и привесах, открываются сегодня в их сокровенном, глубоком значении. Именно с таким ощущением и живем сегодня все мы, советские люди...

Беседу вела
Наталья ШИШКИНА.